

ANTINOMII ROMÂNEȘTI: IMAGINEA LUI PUTIN ÎN ROMÂNIA

Daniel CITIRIGĂ *

Imagologie și percepție politică

Calitatea de studiu istorico-științific, de cele mai multe ori, este considerat a fi dată de gradul de obiectivitate al acestuia. Spunem *gradul* și nu *obiectivitate deplină* pornind de la concluzia mai mult sau mai puțin personală, că toate acțiunile care își propun evitarea subiectivismului sunt sortite eșecului. Simpla selecție a unor texte este definitorie pentru calitatea noastră umană/rațională. În analizarea imaginii unui personaj contemporan, credem că acest demers este cu atât mai vulnerabil, dacă îl putem considera unul științific.

Și totuși, în sprijinul nostru stă o disciplină pe care o putem numi nouă și străveche în același timp. *Imagologia* se naște pe la mijlocul secolului XIX în Franța, iar după o perioadă de lupte cu disciplinele conexe, se impune ca un domeniu de importanță capitală pentru studierea fenomenelor istorice și antropologice. Mai exact, conform definiției lui Daniel-Henri Pageaux, imagologia se ocupă cu *studiul imaginilor sau ale reprezentărilor străinului*. În cultura română, o asemenea preocupare își are originea în anii 70, însă despre o abordare serioasă putem vorbi abia la începutul anilor '90 ai secolului XX, motivele fiind legate, desigur, de libera exprimare și accesul la libera informare, cu această ocazie privirile cercetătorilor îndreptându-se spre subiecte tabu/delicate, cum ar fi imaginea evreului¹ sau a rusului în cultura română².

Nu de puține ori, din încercarea de a evita asimilarea, culturile mici abordează cu adversitate întâlnirea cu cele mari. Pe de altă parte, destul de des, istoria ne-a arătat că o cultură mare se poate confunda cu o putere politică mare, care pentru statele mici devine un potențial pericol. O asemenea ecuație putem regăsi și în cazul analizei imaginii *celuilalt/străinului/vecinului* de la Răsărit în mentalul colectiv al românilor. Rușii nu pot fi disociați de relațiile politice pe care le-a avut țara lor de la Petru cel Mare până în zilele noastre cu vecinul latin. Desigur, aici rolul istoricilor este unul major, revenindu-le obligația de a aminti atât momentele delicate, cum ar fi cedarea Basarabiei din 1812, și nesfârșitele probleme care s-au abătut asupra acestei provincii în perioada ulterioară, dar și

---

* Asist.univ.dr.d., Facultatea de Istorie și Științe Politice, Universitatea „Ovidius” Constanța.

¹ O excelentă abordare în acest sens, Andrei Oișteanu, *Imaginea evreului în cultura română*, București, 2004.

² Vezi în acest sens, Leonte Ivanov, *Imaginea rusului și a Rusiei în cultura română. 1840-1948*, Chișinău, 2004.

cele de reușită comună, exemplul cel mai elocvent fiind Războiul din 1877/1878 împotriva Imperiului Otoman, în urma căruia România își câștigă independența.

Un fenomen deosebit îl putem remarca totuși în formarea stereotipului caracterului politic rus. În urma amintitei conflagrații și stabilirii relațiilor bilaterale, România vede cu alți ochi vecinătatea Rusiei. Concludentă în acest sens ni se pare nota lui Lascăr Catargiu, din 1891, prin care prim-ministrul de la acea dată sublinia că „din Transilvania putem asculta plângerile fraților noștri, însă din Basarabia nu se aude nimic”³. Primul Război Mondial și pierderea Tezaurului României adăpostit de pericole la Moscova creează un nou clivaj între cele două popoare. „Prestigiul” de care se bucurau autoritățile rusești la București este evidențiat de Raoul Bossy, care cu ocazia repatrierii rămășițelor pământești ale lui Dimitrie Cantemir, nu fără ironie își exprima îndoiala că ar fi cele reale⁴. După Ultimatumul sovietic din vara anului 1940, în urma căruia România pierdea Basarabia și Nordul Bucovinei în favoarea aceluiași vecin, dar mai ales după ocupația trupelor sovietice și abolirea monarhiei, imaginea Rusiei avea mult de suferit în ochii românilor. Deși doar în trecere prin România, scriitoarea americană R. G. Waldeck a surprins cel mai bine, într-o notă tragicomică relația istorică a celor doi vecini: fiecare alianță a României cu Rusia s-a soldat cu anexarea câte unui teritoriu sau două în favoarea celei din urmă⁵. Nici chiar destrămarea Uniunii Sovietice și preluarea puterii de unul dintre personajele apropiate Moscovei, Ion Iliescu, nu a fost de ajuns pentru ca imaginea colosului de la Est să se bucure de o îmbunătățire în România.

Vladimir Putin, între criticile analiștilor și aplauzele de la București

Și totuși, după perioada de tranziție sub președinția lui Boris Elțin, imaginea Rusiei avea să fie revigorată printr-un personaj vechi și nou în același timp în structurile statului - Vladimir Putin. Fost KGB-ist, FSB-ist, premier, acest *judoka* întruchipa cel mai bine țarul modern, parcă crescut pentru un Kremlin în vremuri de restriște. Comentariile din cele mai importante cotidiene ale lumii nu făceau altceva decât să întărească opinia rușilor conform căreia ceasul mult așteptat venise. Editurile importante se înghesuiau pentru publicarea interviurilor, traducerile și biografiile zeificau imaginea noului lider de la Kremlin și... de ce nu?! al Europei.

În România, imediat după ce este ales președinte, în 2000, imaginea lui Vladimir Putin este adusă la cunoștința opiniei publice printr-un volum de

---

³ Apud Nicolae Drăgușin, *Unirea Basarabiei cu România*, în „Aldine”- supliment săptămânal al ziarului „România liberă”, an XIII, nr. 616, 4 aprilie 2008.

⁴ Raoul Bossy, *Amintiri din viața diplomatică (1918-1940)*, vol. I (1918-1937), București, 1993, p. 50.

⁵ R. G. Waldeck, *Athénée Palace*, București, 2006, p.83.

interviuri, realizat de Natalya Givorkyan, Andre Kolisnikov și Natalia Timakova și tradus din limba rusă de Boris Rangheț⁶. Nu foarte incozi, autorii realizează o contribuție importantă pentru biografia lui Putin, scoțând în evidență calitățile de lider incontestabil de care dispune. Încă din introducere aflăm că noul președinte a fost pe parcursul întâlnirilor „răbdător și suportabil”, pe cât de nonconformist pe atât de elegant, întrevederile nesuținându-se „la costum, deși cu cravată”, iar uneori se prezenta „extenuat, cu ochii obosiți, dar niciodată nu a întrerupt discuția din propria inițiativă”⁷.

E adevărat însă că odată cu ascensiunea fulminantă, Vladimir Putin devine unul dintre „clienții” preferați și ai scriitorilor din Occident. Pierre Lorrain, cunoscut mai ales pentru volumul *Incredibila alianță Rusia - Statele Unite*⁸, analizează, de această dată în cartea sa *Misterioasa ascensiune a lui Vladimir Putin*⁹, metodele prin care „omul din umbră cu trecut controversat de agent KGB”, scapă de dezastrul mediatic produs în urma naufragiului submarinului Kursk și atinge atât de repede puterea supremă. Andrew Jack, fost corespondent-șef al biroului de la Moscova al ziarului Financial Times, într-un volum dedicat sistemului condus de Putin aduce numeroase exemple care nu fac decât să întărească imaginea de „pumn de fier” care președintelui și rușilor le place atât de mult¹⁰. Destul de dur se dovedește a fi în construirea imaginii de autocrat a lui Putin și Thierry Wolton în lucrarea *KGB-ul la putere. Sistemul Putin*¹¹. Acesta nu se sfiește în a compara unele metode folosite astăzi la Kremlin cu cele din timpul lui Stalin, care ar fi putut chiar să-l invidieze pe Putin dacă ar fi asistat la „desfrâul de lingușeli” prilejuit de a cincizecea aniversare a lui „Big Brother”¹². Un studiu excelent asupra „fenomenului” Putin și a rolului pe care Rusia îl joacă pe tabla de șah mondială, ne oferă Michael Stürmer, profesor universitar și fost consilier în anii '80 al cancelarului Helmut Kohl. Acesta, în urma unor întrevederi personale cu Putin, descoperă în președintele rus „un om a cărui pregătire viza secretele, a cărui pasiune este comunicarea, al cărui patriotism este rusesc și a cărui fascinație este puterea”¹³.

Cu siguranță, însă, cea mai tulburătoare contribuție scrisă la adresa regimului lui Vladimir Putin o constituie opera Annei Politkovskaia, al cărei destin credem că a amplificat valoarea morală a cărții. Catalogată nu de puține ori drept cel mai radical jurnalist al țării, spre deosebire de mulți alți jurnaliști europeni și americani, Politkovskaia n-a avut niciodată încredere în imaginea de

⁶ Natalya Givorkyan, Andre Kolisnikov și Natalia Timakova, *La persoana întâi. Convorbiri cu Vladimir Putin*, București, 2000, p. 5.

⁷ *Ibidem*.

⁸ Pierre Lorrain, *Incredibila alianță Rusia-Statele Unite*, București, 2003.

⁹ Idem, *Misterioasa ascensiune a lui Vladimir Putin*, București, 2001.

¹⁰ Vezi în acest sens, Andrew Jack, *Rusia lui Putin. Toamna oligarhilor*, București, 2006.

¹¹ Thierry Wolton, *KGB-ul la putere. Sistemul Putin*, București, 2008.

¹² *Ibidem*, p. 154.

¹³ Michael Stürmer, *Putin și noua Rusie*, București, 2009, p. 56.

presă a lui Putin. Comentând cu ochii omului ce trăiește în Rusia, nu de analist politic, fără pretenții de cercetător științific, dar cu talent literar și argumente, autoarea își propune un Putin vinovat. Un Putin susținut și încurajat de Occident, dar care ar disprețui tocmai poporul rus, pe fond căruia nu i-ar plăcea oamenii și pentru care, subliniază jurnalista, „suntem nimeni, în timp ce el, pe care șansa l-a ridicat în vârf, este astăzi Țar și Dumnezeu”¹⁴.

Simpla trecere în revistă a celor mai importante lucrări dedicate lui Vladimir Putin demonstrează o adversitate constantă între liderul de la Kremlin și susținătorii democrației de tip occidental. Foarte surprinzătoare însă, din acest punct de vedere, este atitudinea adoptată de o parte a jurnaliștilor români, în calitatea lor de observatori ai Summit-ului de la București, din 2-4 aprilie 2008. Astfel după cum relatau cei de la „Ziarul”, „dacă în primele zile ale summit-ului, președintele SUA a fost vedeta reuniunii, venirea lui Putin la București a îndreptat toată atenția asupra liderului de la Kremlin. N-au mai contat nici summit-ul, nici concluziile lui. Ci doar ce spune și ce face Vladimir Putin. Toți au roit în jurul lui, i-au acordat atenție și au avut grijă ca “țarul” să se simtă cât mai confortabil”¹⁵. Într-o notă asemănătoare, în paginile „Jurnalului național” - care cu această ocazie punea în loc de fotografie semnătura olografă a președintelui rus - eram invitați să credem în continuare în surprize, argumentul infailibil fiind Vladimir Putin, care, în antiteză cu George W. Bush, a învins. Într-un articol cu un titlu sugestiv - *NATO în era Putin*, semnat de patru jurnaliste, se sublinia că, „cu tot suspansul în care și-a învăluit sosirea, el (Putin) a punctat elegant, aducând un discurs realist și cu deschidere pentru compromisuri”¹⁶.

În cadrul unui comentariu postat pe site-ul agenției Mediafax, Lucia Efrim, imediat după conferința de presă susținută de Vladimir Vladimirovici, nerăbdătoare și atinsă parcă de latura transcendențială a acestuia, își exprima convingerea că surpriza apariției liderului însuși între jurnaliști l-a transformat într-un „pion incontestabil în jocul Summit-ului NATO”. În timp ce căștile pentru traducere erau epuizate, „forța mesajului președintelui Rusiei a stârnit aplauzele celor aproximativ o mie de ziaristi din sala Rosetti din Palatul Parlamentului și, poate, și simpatii, căci Putin nu a fost stors de informații, deși a părut a fi momentul cel mai oportun”. Și așa o reușită comună nu se putea încheia decât cu o fotografie de grup care a stârnit „fericirea nedisimulată a fetelor”. Iar concluzia jurnalistei nu putea lăsa loc de interpretări: „Vladimir Vladimirovici a părut că a mulțumit pe mulți la acest Summit, și-a atras admirație, plecând în plină glorie”¹⁷. Glorie pe care Armand Goșu, citat într-un articol din „Cotidianul”, cu titlul „The Oscar Goes to... Vladimir Putin” o vede

---

¹⁴ Anna Politkovskaia, *Rusia lui Putin*, București, 2008.

¹⁵ <http://www.ziarul-ziarul.com/articol4530/Putin-ultimul-tangou.htm>.

¹⁶ <http://www.jurnalul.ro/articole/121568/nato-intra-in-era-putin>.

¹⁷ <http://www.mediafax.ro/main-story/com-vladimir-vladimirovici-presedintele-putin-la-bucuresti.html?5226;2520885>.

ca pe o mișcare de PR dusă până la capăt: „este evident, în viziunea istoricului, că personajul central al Summit-ului, în special al ultimelor două zile ale acestuia, a fost Vladimir Putin, care iese din scenă „en fanfare”¹⁸.

Mai puțin preocupat de laurii adunați de Vladimir Putin, jurnalistul de la „Evenimentul zilei”, Florian Bichir, vedea în vizita primului șef de stat rus în România după 1990, momentul prielnic pentru o dezbatere serioasă despre poziția României față de colosul de la Răsărit. „Frica patologică față de ruși a devenit deja o axiomă a politicii noastre externe, în opinia autorului, - și pe bună dreptate, dacă ne aruncăm ochii în cărțile de istorie. Invaziile au fost percepute la fel, chiar dacă au purtat pecetea panslavismului, a ortodoxiei eliberatoare, a luptei contra imperialismului sau a eliberării de fascism. E greu să uiți hoardele de muscali sau pitici cu aspect mongoloid care, beți, cu ceasuri de gât, au terorizat Bucureștiul, primul oraș capitalist în care-au ajuns trupele Armatei Roșii”¹⁹. Concluzia atât de dură, dar realistă, trasă de Florian Bichir ne îndreaptă și spre concluzia subiectului studiului nostru, care nu se vrea unul exhaustiv în privința textelor laudative adresate liderului de la Kremlin.

În încheierea analizei noastre se distinge o întrebare fundamentală: de unde simpatia unei părți a media românești pentru Vladimir Putin? Euforia creată în jurul imaginii lui Putin este văzută de Vasile Dancu, sociolog și membru marcant al Grupului de la Cluj al PSD, ca fiind regia descrisă perfect de Serge Ciahotin, într-o analiză psihanalitică a fascismului, și care la București a funcționat ca la carte. „În primul rând, venirea lui Putin la Conferința de presă a fost dată ca nesigură, ca și venirea la București. Apoi s-a anunțat că vine ministrul de Externe. Apoi jurnaliștii au fost lăsați să aștepte aproape o oră creându-se tensiune, mai ales că ușile s-au închis și sentimentul de izolare creștea. Nimeni nu își părăsea locul pentru că urma să nu mai poată reintra în sală și pierdea acest moment istoric al întâlnirii cu Țarul Vladimir. Apoi a apărut Putin prin surprindere, pe o altă ușă decât pe care era așteptat. Surpriza totală, *deus ex machina*, salvarea fericită a situației îi face pe jurnaliști să se ridice în picioare și să aplaude intrarea teatrală a Președintelui Putin. După aceasta, situația era perfect controlabilă. Jurnaliștii devin niște păpuși și mulți nici nu mai observă că Putin este intermediat de purtătorul de cuvânt, iar întrebările sunt puse aproape exclusiv de jurnaliștii ruși. [...] Seara pe la televiziuni, jurnaliste încântate povesteau despre marea întâlnire, deși aveau puține de spus despre mesajele transmise de Țigru, cum îl numea un alt jurnalist. Era mai mult o senzație, un fel de lumină, ceva ca și cum Iisus s-a arătat pe drumul spre Emaus”²⁰. De altfel, însuși Putin a spus în cadrul întrevederii cu jurnaliștii că „există o așteptare religioasă înaintea fiecărui discurs al meu”²¹. O întârziere am putea-o numi, pe care au simțit-o chiar și realizatorii volumului de interviuri mai-

¹⁸ http://www.cotidianul.ro/and_the_oscar_goes_to_vladimir_putin-42698.html.

¹⁹ <http://www.evz.ro/articole/detalii-articol/798541/EDITORIALUL-EVZ-Rusofobie-sau-realpolitik/>.

²⁰ <http://vasiledancu.blogspot.com/2008/05/cnd-jurnalistii-aplaud.html>.

²¹ cf. „Cotidianul”, 4 aprilie 2008.

sus amintit²², dar mai ales șefii de state și guverne prezenți la Summit-ul de la București. Pe lângă atmosfera mesianică de care aminteam, capitalul de imagine cu care Vladimir Putin venea în România era unul important, având în vedere creșterea economică de care se bucura Federația Rusă în 2008, dar și imaginea de pion principal al Summit-ului în urma amânării aderării Ucrainei și Georgiei la NATO. O nuanță de subliniat ar fi și aceea că mare parte a societății românești încă își dorește în fruntea statului o mână de fier, preferând un regim autoritar puternic în locul unei democrații slabe. Nu în ultimul rând, credem de cuviință să reliefăm obsesia antiamericană a unui segment al societății românești, care subit s-a transformat în apreciere față de Rusia. De cealaltă parte a baricadei, totuși, stau argumentele irefutabile: din 2000 până în prezent, în Rusia au fost uciși mai mulți jurnaliști, alții au fost închiși, iar unele ziare au fost suspendate din motive hilare (spre exemplu, la scurt timp după Summit-ul de la București, ziarul „Moskovski Korrespondent”, din cauză că scrisese despre Putin că a divorțat și că urma să se căsătorească cu o femeie mai tânără), ceea ce demonstrează că acești jurnaliști entuziasmați au avut o întâlnire cu un subiect pe care nu îl cunoșteau îndeajuns, sindromul Stockholm, al îndrăgostirii victimei de călău, fiind evident. Conform declarației lui Boris Nemțov, un fost vice prim-ministru al lui Elțin, „Putin este primul președinte de televiziune. Pe biroul său nu există stilou, ci doar o telecomandă. E obsedat de micul ecran. Pentru că mass-media l-a instalat de pe o zi pe alta acolo unde e, îi cunoaște puterea mai bine ca oricine”²³. Nu și invers, se pare...

---

²² Natalya Givorkyan, Andre Kolisnikov și Natalia Timakova, *op. cit.*, p. 19.

²³ „Le Nouvel Observateur”, 13 iulie 2006.

РУМЫНСКИЙ АНТИНОМИИ: ИМИДЖ ПУТИНА В РУМЫНИИ

Даниэл ЧИТИРИГЭ

Наука изображения и и политического восприятие

Считается, что качество историческо- научного исследования, во многих случаях, зависит от степени его объективности. Говорим „степень”, а не „абсолютная объективность”, отталкиваясь от более или менее личного заключения, поскольку все действия, направленные на то, чтобы избежать субъективизма, обречены на провал. Простой отбор некоторых текстов является определяющим для нас в качестве человека разумного. Для анализа изображения современного имиджа, мы считаем, этот подход тем более уязвимым, если считать его научным.

И тем не менее, в помощь нам дана дисциплина, которую мы, одновременно, можем назвать и новой, и древней. Наука изображения родилась в середине XIX века во Франции и после периода борьбы со смежными дисциплинами, заставила признать себя капитально важной для изучения политических и антропологических явлений. Более конкретно, согласно определению Даниэля-Анри Пажеукса, наука изображения занимается исследованием имиджем или представлением иностранцев. В румынской культуре такое занятие берет начало в 70-ые годы, но о серьезном подходе можно говорить лишь 90-ых годов XX века, и причины этому связаны, конечно, со свободным доступом к информации, которые дают возможность исследователям изучать деликатные темы–табу, как например, изображение еврея или русского в румынской культуре.

Не малое количество раз, в попытке избежать ассимиляции, малые культуры сторонились встреч с великими. С другой стороны, довольно часто, история показала нам, что большая культура может быть принята за большую политическую силу, которая для малых государств становится потенциально опасной. Такое уравнение можно найти и в случае анализа изображения другого/чужого/соседа с Востока в коллективном менталитете румын. Русские не могут рассматриваться в отрыве от политических отношений, которые имела их страна от Петра Великого и до наших дней, с соседями-латинами. Конечно, здесь роль историков является главной, вменяя им в обязанность напомнить о таких деликатных моментах, как уступка Бессарабии в 1812 году и бесконечные проблемы, которые валились на эту провинцию в последующие годы, но потаких, как совместные успехи, из которых наиболее показательным примером является война 1877/1878 годов против Османской империи,

после которой Румыния добилась независимости. Особенное явление мы можем отметить, в формировании стереотипа русского политического характера. После вышеупомянутой войны и создания двусторонних отношений, Румыния увидела другими глазами российское соседство. Убедительным в этом смысле представляется замечание Ласкэра Катарджиу в 1891 году, в котором премьер-министр того времени подчеркнул: „Из Трансильвании мы можем услышать жалобы наших братьев, а из Бессарабии не слышно ничего”. Первая Мировая война и потеря «Сокровищ Румынии», отданных Москве на сохранение от опасностей, создали новый раскол между двумя народами. „Престиж”, которым пользовались российские власти в Бухаресте, потускел и был особо отмечен, не без иронии, Раулем Босси, который по поводу возвращения на родину бранных останков Димитрия Кантемира, выразил сомнение в том, что они были настоящие. После советского ультиматума летом 1940ого года, согласно которому Румыния потеряла Бессарабию и Северную Буковину в пользу того же соседа, а особенно, после ввода советских оккупационных войск и упразднения монархии, образ России в глазах румын сильно пострадал. Будучи проездом через Румынию, американский писатель R.G.Waldeck, лучше всего, выразил в трагико-комической заметке исторические отношения между двумя соседями: каждый альянс Румынии с России приводил к присоединению одной или другой территории в пользу России. Даже распада Советского Союза и перехода власти к одному из приближенных Москвы, Ион Илиеску было недостаточно для того, чтобы изменить к лучшему в Румынии образ колосса с Востока.

Владимир Путин между критикой аналитиков и аплодисментами в Бухаресте

После переходного периода президентством Бориса Ельцина, имидж России обновился, благодаря старому и новому, одновременно, персонажу в государстве- Владимиру Путину. Бывший КГБ-ист, премьер-министр, этот типичный judoka,-лучше всего ваплощял современного царя, как-будто специально выращенного для Кремля во времена запретов. Комментарии самых важных газета всего мира только укрепляли мнение россиян о том, что долгожданный час настал. Крупные издательства теснили одно другого, чтобы опубликовать интервью, переводы и биографии, которые обожествляли образ нового руководителя Кремля и... почему бы и нет?!- Европы.

В Румынии, сразу же после избрания Путина президентом в 2000 году, имидж главы власти был представлен публике собранием интервью, подобранных Натальей Живолян, Андре Колесниковым и нателией Тимаковой в переводе с русского Бориса Рангеца. Эти авторы внесли важный вклад в биографию Путина, представляя его, безусловно,

лидерский характер. Уже из предисловия мы узнаем, что президент, в ходе встреч и бесед, был „терпеливым и терпимым” настолько же как „нонконформист, насколько и элегантен”; поддерживал встречи и приходил, если не „в костюме”, то хотя бы при галстуке». Иногда он появлялся „обессиленным, с уставшими глазами”, но никогда прерывавший дискуссию по своей собственной инициативе”.

Правда и то, что, вместе молниеносным восхождением, Владимир Путин стал одним из предпочитаемых „клиентов” для западных писателей. Пьер Лоррен, известный своим сочинением „Невероятный альянс России и Соединенных Штатов”, исследует, на этот раз, в своей новой книге „Таинственное восхождение Владимира Путина „методы с помощью которых „человек из тени, с противоречивым прошлым агента КГБ”, вышел невредимым после страшной гибели подводной лодки „Курск” и достиг так, быстро верховной власти. Эндрю Джек, бывший главный корреспондент московского офиса газеты „Файнэншл Таймс”, в книге, посвященной системе под руководством Путина, приводит многочисленные примеры, которые только укрепили образ „железного кулака”, который так нравится президенту и русскому народу. Довольно резко создает образ Путина тирана- тирана и Тьерр Волтон в научной работе „КГБ у власти. Система Путина”. Он не стесняется сравнивать, некоторые методы, используемые сегодня в Кремле, с методами времен Сталина, который в этом мог бы позавидовать Путину, если бы стал свидетелем разнужданной лести на праздновании пятидесятилетней годовщины „Big brother”. Майкл Стурнер, профессор университета и бывший советник в 80 ые годы канцлера Гельмута Коля, дает нам замечательное исследование на тему: „Феномен” Путина и роль, которую играет Россия на мировой шахматной доске. Автор в результате личных встреч с Путиным, замечает в президенте России человека, „чья подготовленность таит секреты, чье увлечение это общение, чей патриотизм—чисто русский и чье очарование это власть.

Безусловно, наиболее вальнуюющий письменный вклад о режиме Владимира Путина представляет собой творчество Анны Политковской, судьба которой усиливает моральную ценность её книг. Неоднократно находившаяся в ряду наиболее радикальных журналистов страны, в отличие от многих других европейских и американских журналистов, она никогда не доверяла образу Путина, созданному средствами массовой информации. Её комментарии человека, живущего в России и видящего события глазами россиян, а не политического аналитика, без претензий на научное исследование, но с литературным талантом и аргументацией, представляют президента как человека-обвиняемого; Путина, который имеет поддержку и одобрение запада, но который презирает русский народ и, вообще не любит людей и для которого, подчеркивает журналистка, „мы являемся никто, хотя он, которого шанс поднял на пик

высоты, стал сегодня настоящим Царем и Богом”.

Простоq обзор наиболее важных работ, посвященных Владимиру Путину, свидетельствуют о постоянных разногласиях между лидером Кремля и сторонниками демократии западного типа. Удивительной, с этой точки зрения, является позиция,занятая румынскими журналистами в качестве наблюдателей на Саммите в Бухаресте, 2-4 апреля 2008 года. Вот что опубликовала в прессе „Газета”: „...если в первые дни Саммита президент США был звездой встречи, с приездом Путина в Бухарест все внимание сосредоточилось на лидереу Кремля. С этого моментк уже не был важен ни Саммит, ни его выводы, а только то, что говорит и делает Путин. Все роились вокруг него, оказывали ему внимание и заботились, чтобы *царь* чувствовал себя как можно комфортнее”. В таком же духе на страницах „Журнала Националь”, где была опубликованна вместо фотографии, собственноручная подпись русского президента, мы были приглашены поверить и дальше в сюрпризы, непогрешимым аргументом которых был Путин, в противоположность Джорджа Бушу, одержавший победу. В статье с внушительным заглавием „НАТО в век Путина”, подписанной четырьмя журналистами, подчеркивается, что „несмотря на всю неизвесность, которой был окутан приезд, он (Путин) элегантно провел реалистичное и открытое для компромисса выступление”.

Водном из комментариев, размещенных на сайте агентства Медиафакс, сразу после пресс-конференции Владимира Владимировича, Лучия Ефрим, нетерпеливая и будто тронутая его превосходством, выразила свое убеждение, в том, что сюрприз появление российского лидера лично в среде журналистов, превратил его, несомненно „в главную фигуру в игре Саммита НАТО”. Хотя наушники для перевода были исчерпаны, сила сообщения российскийского президента была поддержана тысячами аплодисментов журналистов в зале Розетти, Дворца Парламента, а, возможно и их симпатиями, поскольку Путин не был истощен информацией, хотя, казалось, что был наиболее подходящий момент для этого”. И вот так, удачная встреча не могла закончиться иначе, как совместной фотографией,которая излучала „нескрываемое счастье девочек”. Заключение журналистки не оставляло места для интерпретаций: „Владимир Владимирович, казалось, удовлетворял всех на этом Саммите, вызывал восхищение и уехал в зените славы”. Славу, Арманд Гошу, процитированный в статье из газеты "Котидиянул" под названием „The Oscar Goes to ...Valdimir Putin” видит, как движение P.R. (Public Relations), доведенное до конца: „Совершенно очевидно, по словам историка, что главным персонажем Саммита, особенно в последние два дня, был Владимир Путин, сошедший с трибуны „под фанфары”.

Менее озабоченый лаврами Владимира Путина, журналист из газеты „Эвениментул Зилей”, Флориан Бикир увидел в первом, после 1990 года, посещении главой российского государства Румынии, подходящий

момент для серьёзной дискуссии о позиции Румынии к колоссу с Востока: „Патологический страх перед русскими стал аксиомой нашей внешней политики, по мнению автора, и вполне справедливо, если мы заглянем в книги по истории. Вторжения были восприняты также, даже если носили печать панславянизма, освободительного православия, борьбы против империализма или освобождение от фашизма. Сложно забыть полчища варваров или пьяных монголоподобных карликов, с часами на шее, который терроризировали Бухарест, первый капиталистический город, в который пришла Красная Армия”. Такое жестокое, но реалистичное заключение Флориан Бикира ведёт нас к окончанию нашего исследования, которое не является исчерпывающим в отношении хвалебных текстов, обращенных к лидеру Кремля.

В заключение нашего анализа выделим один фундаментальный вопрос: „Откуда такие симпатии части румынских средств массовой информации к Владимиру Путину?” Василий Данку, социолог и известный член группы ПСД из Клужа, видит в эйфории, созданной вокруг образа Путина, режиссуру, хорошо описанную Сержем Чахотиным в психоаналитическом анализе фашизма, которая в Бухаресте действовала отлично "Прежде всего, приезд Путина на пресс-конференцию был неопределённым, также, как и его приезд в Бухарест. Позже, было объявлено, что прибудет министр иностранных дел. Потом, журналистам пришлось ждать почти час, что создало напряженное положение, особенно потому, что двери были закрыты и ощущение изоляции росло. Никто не покидал своих мест, потому что не смогли бы вернуться обратно и потеряли бы исторический момент встречи с Царем Владимиром. Затем, неожиданно вошел Путин в другую дверь, откуда его не ожидали, совершенный сюрприз, *deus ex machina*, счастливое спасение ситуации заставило журналистов подняться и аплодировать театральному появлению президента Путина. После этого ситуация была полностью контролируема. Журналисты превратились в какие-то куклы, и многие уже не замечали, что у Путина был посредник, а вопросы задавали почти исключительно российские журналисты. Вечером на телевидении зачарованные журналистки рассказывали о знаменитой встрече, хотя у них было мало информации о выступлении *Тигра*, как его назвал один журналист. Это было больше ощущением, каким-то светом, что-то подобное Иисусу, показавшемуся по дороге к Эммаус”. Впрочем Путин сам заявил на встрече с журналистами, что „существует какое-то святое ожидания перед каждым моим выступлением”. Мы бы сказали „опоздание”, которое прочувствовали даже исполнители вышеупомянутого интервью, но особенно, главы государств и правительств, присутствующие на Саммите в Бухаресте. В дополнение к мессианской атмосфере, о которой мы уже упоминали, общая составляющая образа, с которым прибыл в Румынию Владимир Путин,

была дополнена и усилена ростом экономики Российской Федерации в 2008 году и имиджем главной фигуры на Саммите, еще и благодаря переносу даты присоединения Украины и Грузии к НАТО. Подчеркнем один нюанс, что большая часть румынского общества, по-прежнему, хочет во главе государства „железную руку”, предпочитая сильный, авторитарный режим вместо слабой демократии. Не в последнюю очередь, мы считаем нужным неприязнь определенной части румынского общества к американцам, которая незаметно превратилась в доброжелательство к России. По другую сторону баррикад все-таки остаются неопровержимые аргументы: с 2000 до сегодняшнего дня, в России многие журналисты были убиты, другие арестованы, а некоторые газеты были закрыты по смешным причинам, например, сразу после Самита в Бухаресте газета „Московский Корреспондент” была закрыта, потому что написала о Путине, что он развелся со своей женой и должен жениться на молодой женщине. Это показывает, что журналисты встретились с персоной, которой не знали достаточно и что был очевиден стокгольмский синдром, когда жертва влюбляется в палача. По словам Бориса Немцова, бывшего заместителя премьер-министра Ельцина: „Путин является первым президентом, которого не существует авторучки, а только один пульт. Он одержим маленьким экраном. Поскольку массмедиа постепенно поднимала его туда, где он находится сейчас, она лучше всех знает его возможности”. Но не наоборот, кажется...